

ПОХОРОНЫ РОМАНА Н. КОНОНОВА ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКОЙ (К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ «ПОХОРОН КУЗНЕЧИКА»)

Юлия Анатольевна Говорухина

доктор филологических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия); профессор филиала Военно-учебного научного центра Военно-морского флота «Военно-морская академия» (Калининград, Россия)

e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

ORCID: 0000-0002-2675-5909

Аннотация. Статья посвящена проблеме производства ценности книги и веры в ее ценность, осуществляемого литературной критикой как институтом, обеспечивающим функционирование литературного поля. Материалом статьи послужила критическая рецепция романа Николая Кононова «Похороны кузнечика». Опубликованный в 2000 г., роман получил малую (не большую) премию Аполлона Григорьева и попал в короткий лист «Букера», но не победил. Цель исследования – изучение роли критики в судьбе романа Н. Кононова. По мнению автора, литературная критика как породила интерес к произведению писателя, так и «похоронила» его. Методологическое основание работы – положения рецептивной эстетики и социологии литературы. В статье рассматриваются прагматические стратегии как позитивной, так и негативной критики романа: наделение книги статусом исключительной (содержательно, художественно, по производимому эффекту), либо банальной. Автор приходит к выводу о том, что хвалебная критика, посвященная роману, многословна, металогична (критика стилистически заражена Кононовым), сбивается на пересказ. Негативные критические суждения, претензии к тексту и автору, упреки в неоригинальности мысли и банальности замысла, также «хоронят» роман и подрывают символический капитал и ценность текста.

Ключевые слова: Н. Кононов, «Похороны кузнечика», литературная критика, интерпретация

Роман Николая Кононова «Похороны кузнечика» [Кононов] в 2000 г. получил премию Аполлона Григорьева и попал в короткий лист «Букера». Автор не был обижен невниманием критики. Свою оценку роману дали В. Курицын, М. Золотоносов, М. Ремизова, В. Шубинский и другие заметные литературные критики. Активное обсуждение романа в том числе способствовало его номинированию на литературные премии. Премия А. Григорьева – признание новизны романа, однако писатель получает премию малую (большую вручают в этом году Вере Павловой за книгу стихов «Четвертый сон»). Короткий список «Букера» – также большая победа, однако побеждает М. Шишкин с романом «Взятие Измаила». Анализ причин недо-успеха Н. Кононова (так же как любого другого писателя) предполагает обращение к механизмам и агентам литературного поля, осмысление предпочтений премиальных комитетов, учет имманентных литературных законов и рецептивных установок, предпочтений и ожиданий, околослитературных обстоятельств. Цель данной статьи – изучение роли литературной критики в судьбе романа Н. Кононова «Похороны кузнечика». На наш взгляд, критика 2000 г. как породила интерес к произведению писателя, так и «похоронила» его, лишив шанса остаться дольше в литературном поле, увеличить количество читателей и уровень продаж, быть освоенным литературоведением.

Литературная критика – полноценный институт в поле литературы со своей институциональной ролью. Она задает границы литературы и ее внутреннюю структуру, иерархии, способна формировать, поддерживать или подрывать символический капитал. Если писатель производит художественный текст, то критика производит ценность книги, веры в ее ценность – иными словами, символический капитал, который может обрести вполне зримую форму – литературной премии, например. Называя рецензию жанром прямого действия, В. Крылов замечает, что именно через этот «оперативный отклик на появление отдельного произведения определяется первоначальное место произведения в картине литературной жизни», осуществляется первичное структурирование литературного пространства [Крылов].

Можно с уверенностью сказать, что критика, посвященная роману, создавала символический капитал и формировала требуемую веру в ценность текста. Она активно использовала типичную литературно-критическую стратегию производства ценности книги (веры в ценность), наделяя ее статусом исключительной.

Критика писала об исключительной новизне текста. Новизну объекта художественного осмысления отметил В. Аристов: «Это уникальная [здесь и далее выделено нами. – Ю. Г.] топология памяти как места присутствия других вещей и людей в мире

исчезновения и надежды, топография жизни [Аристов]. А. Скидан называет роман одним «из последних психологических романов уходящего века» [Скидан], а М. Золотоносов – романом нового типа, производящим ревизию моральных предписаний, не ангажированным ни идеологией, ни традиционной этикой «и потому разрушающим то, что раньше именовали гуманистической традицией» [Золотоносов]. По мнению последнего, читатель не готов к таким романам. В этой оценке также слышится исключительность. С. Иванова замечает неординарный подход автора к описанию: перед нами «беллетристика, искуснейшим образом замаскированная под документ» и создающая ощущение узнаваемости переживаемого автором [Иванова]. В. Шубинский называет «Похороны кузнечика» книгой поэта, именно такой, которая должна научить прозаиков их ремеслу, послужить образцом работы со словом на микроуровне [Шубинский]; Е. Фанайлова – беспрецедентной в русской художественной литературе иллюстрацией нарушения табу мертвецов [Фанайлова].

Любопытным представляется обоснование исключительности текста, данное О. Лебедушкиной. Для нее уникальность романа – в произведенном автором эксперименте: прорывы к подлинной, «чистой» психологии путем намеренного тщательного «отслаивания» всего поверхностного,

«культурного», того, что принадлежит всем. Критик не употребляет понятия «феноменологическая редукция», но, по сути, речь идет об этом. Перед нами действительно феноменологическая проза, исключительная в своем малом количественном присутствии в современной русской литературе. Этот же критик называет новым в русской литературе ощущение телесности по принципу «брезгую – не брезгую», а также сам избранный вариант отношений с чужой плотью – не эротический, а этический [Лебедушкина].

М. Кучерская говорит об исключительной функции, которую выполняет Н. Кононов в одном из сюжетов литературного процесса: литература до Кононова коснулась жизни тела, стала откровенно рассказывать о физиологических аспектах человеческого бытия, а «Николай Кононов делает следующий шаг в том же направлении, пытаясь заглянуть под поверхность тела, рассмотреть его изнанку» [Кучерская].

Вера в уникальность текста создается и описанием исключительного рецептивного опыта, сильных и катарсичных чувств читателей при прочтении романа. Так, по ощущению В. Аристова, важность сообщения романа «давит изнутри на глазные яблоки», читателя преследует «чувство головокружительной неопределенности, какого-то странного полета под водой в трудной и прозрачной среде» [Аристов].

Казалось бы, литературная критика сформировала в читателе веру в то, что роман новаторский, ценный в своем откровенном говорении о смерти. Критика «освятила» текст, наделив его символическим капиталом. Но все же сделала это безупречно.

Негативная критика романа упрекает Кононова-прозаика в многословности («плетении словес»), излишней метафоричности. То и другое впитала сама хвалебная критика, многословность в ней часто замещает интерпретацию. В статье С. Ивановой «Ганимед на лестнице Иакова» читаем:

«Все, происходящее в этом романе, так или иначе связано с внутренней символикой человеческого бытия, символикой, которая придает аллегорический, тайный смысл разрозненным и, казалось бы, малозначительным ее фрагментам» [Иванова].

Заметим, что автор не проясняет, о каких символах и о каком тайном смысле идет речь. Большая часть вступления В. Аристова – долгое приближение к сути: критик пишет о важности «некоего чувства», о том, что «некое чувство вплетено», но «его структура непонятна», оно многосоставно, трудновыразимо. Далее следует описание эмоций от прочтения романа, сравнение текста с летательным аппаратом, далее объемистая цитата. Читатель так и не узнает, о каком чувстве шла речь. Критик утверж-

дает, что «в “Кузнечике” может быть отмечена связь с проблемами Пруста или Набокова, Фолкнера или Платонова. Эти темы и проблемы не исчерпаны, однако недостаточно только развивать их» [Аристов], не поясняя, какие «неисчерпанные проблемы» имеет в виду. Читатель остается в недоумении: роман оценен высоко, но за что конкретно?

Многословие мнимо аналитическое дополняется многословием образным, с нанизыванием метафор и сравнений, почти поэтическим синтаксисом. Н. Волкова описывает портрет на обложке книги, наделяя его множественными смыслами, в итоге создает еще один образ, нуждающийся в интерпретации. В статье Н. Волковой читаем:

«...слова вместе с двоящимися буквами, подмененными настоящими расплывающимися изображениями и тем, что не сказано, но присутствует как дым или аромат, исключено из прямой речи как ресницы или зрачки, которые вне пейзажа, но есть часть вашего взгляда на любой пейзаж».

«Так день или месяц любовного притяжения завершается кратковременным свершением, которое остается в памяти надолго или ненадолго, но оно знак другого, и суть прожитого времени не здесь, а в подменной памяти боли, в рассеянной и плотной пустоте, редящей к концу, сияющей, стесняющей и высвобождающей дыхание» [Волкова].

В статье Е. Свитневой «Ганимед и Паламед»:

«Концентрическими кругами текст расходится от точки смерти, как от брошенного в воду булыжника, – камень уж вечность на дне, а круги все накатывают и накатывают на водную гладь. И на протяжении всего романа мы чувствуем какой-то странный, неслышимый, но ощутимый гул...» [Свитнева].

Подобные металоогические тексты сами нуждаются в интерпретации.

На наш взгляд, литературная критика, посвященная роману, стилистически заражена Кононовым. Она не интерпретирует и не оценивает текст автора, а длит его. На этом фоне особенно живыми оказываются ироничные оценки романа негативной критики. Так, М. Золотоносов уподобляет смерть у Н. Кононова загадке – бесконечной интеллектуальной жвачке, а сам роман называет мазохистской гонкой за травмирующими деталями [Золотоносов].

«Хоронят» роман и некорректные суждения, в которых имеют место логические ошибки, теоретические недочеты. Противоречиво утверждение В. Аристов: «... все же это проза, хотя она рождается из поэзии: ведь Кононов – лирический поэт. Но в романе прозаическая форма эмансипировалась от его лирики» [Аристов] (все же лирическая проза или проза?). Это противоречие проявится еще раз несмотря на попытку

критика дать ему теоретическое обоснование («Разделение – “онтологическое”: в прозаическом начале – высказывание “ты еси” первично, и оно превышает лирическое “аз есмь”»): «И хотя эгоцентрической сосредоточенности на “себе” тоже уделено внимание, но “я” здесь – alter ego в лирической оболочке, и другое имя героя <...> только подтверждает это» [Там же]. До сих пор критик утверждал, что кто-то другой превышает поэтическое «я», что прозаическая форма эмансипировалась от лирики. Хаотичность критической мысли проявляется и в попытке сформулировать проблему романа. Первоначальный вариант («Как увидеть детство, не украшенное взрослой ностальгией?») сменяется проблемой сохранения себя в ежесекундной работе забвения, которая вскоре замещается третьей версией – проблемой называния, говорения.

Еще одно «слабое звено» литературной критики о романе – увлечение пересказом текста. Пересказ упрощает содержание, пересказ поэтической прозы автора, который мучительно нащупывает язык для новой темы, который имеет дело с практически невыразимым, – самое настоящее «погребение» романа.

В. Курицын пишет положительную рецензию, признается в своей любви к роману. Как критик-постмодернист он эпатажирует читателя, сравнивая текст с членом, куражится, обращаясь к читателю:

«Представляю читателя, который, прочитав про выеденный труп и любовь к телу бабушки, ужаснется и дежурно чертыхнет проклятых “постмодернистов”. Добьем их: в романе есть сцены онанизма и гомосексуализма, подглядывания за голым телом бабушки уже не фотографической, а полумертвой, описание говна в коллективном туалете и пр.» [Курицын].

Уже этот эпатирующий ряд создает представление о романе как тексте, который интересен исключительно телесным. Но еще более уничтожающий роман краткий пересказ звучит в самом начале рецензии: «Это книжка про ее похороны. Жизнь в говне, тяжелая возня с бездыханным почти телом и кипящая на последних страницах любовь к этому телу, вернее, к фотографии обнаженного тела бабушки...» [Там же].

Сознательно упрощает роман сниженный, обедняющий пересказ в рецензии Е. Фанайловой:

«Далее по сюжету следует еще одно проявление скорби: вспышка немотивированной агрессии, драка с подростками <...> В общем, он им там победно навалял, а потом с разбитой мордой пришел к другу, который питал к нему в прошлом гомосексуальные чувства. Друг оказывается человечен, скорбь разрешается рыданиями на его плече, водкой и поцелуем...» [Фанайлова].

Тот же эффект производит еще более краткий пересказ сюжета, сделанный В. Шубин-

ским: «Содержание книги: у него (взрослого) умирает бабушка, давно парализованная, лишившаяся сознания. Бабушку хоронят» [Шубинский].

Пересказы в критике сопровождаются обильным цитированием романа, которое, на наш взгляд, объясняется несформированностью языка описания текстов, подобных роману Н. Кононова. Феноменологическое письмо, обращенное к событию внутренней жизни, само по себе сложное, неровное, нерассудочное. Неслучайно Н. Кононов пользуется поэтической по своей сути техникой. Литературно-критический метатекст должен был рационализировать авторскую интуицию, воплотившуюся художественно. Но критика не справляется, предоставляя слово автору, сбиваясь на многословие, пересказывая, цитируя, нагромождая метафоры.

На наш взгляд, более точным метаязыком мог бы послужить язык М. Хайдеггера. Сложный терминологически, он тем не менее выразил феноменологическую концепцию философа, посредством которой возможно декодировать роман Кононова. Сюжетная ситуация в произведении, по сути, «хайдеггеровская»: столкновение с небытием (посредством кузнечика, бабушки). Небытие вдруг проявилось («открылось») во всех деталях окружающего мира, демонстрируя «несокрытость истины»: в запахе мочи, вытертом одеяле и т. п. Еще живая бабушка описывается героем как уже «покойная», лодка во

дворе дома видится «бесконечно мертвой», на фотографии проявляются «отпечатки безмерного, опустошающего отсутствия». Если смерть / инобытие / истина изначально «открыты», по Хайдеггеру, то человеку открыться намного сложнее. Чувство страха, ужаса, брезгливости «закрывают» его. Описанный философом опыт прикосновения к пустоте, к инобытию изображает Кононов. Его герой оказывается в «просвете», осознает свое «присутствие», получает новое знание – о себе, мире.

Негативные критические суждения (претензии к тексту и автору, упреки в неоригинальности мысли и банальности замысла) также «хоронят» роман и подрывают символический капитал и ценность текста.

Общий посыл отрицательных отзывов – ничтожность и сомнительность замысла и идеи. Так, М. Золотоносов ограничивает содержание текста личным опытом автора, упрекая в эксплуатации сюжета-травмы: «Читателю же автор предлагает свою психологическую травму, <...> не новое знание, не эмоцию, не увлекательный сюжет, не интересного героя с интересными мыслями, а именно травму. Зачем она читателю – другой вопрос», «идет мазохистская гонка за травмирующими деталями» [Золотоносов]. Далее критик сомневается в целесообразности разговора о том, что так или иначе переживал каждый:

«У Кононова речь идет о попытке искреннего и неуклонного сопереживания смерти близкого человека и практической невозможности это сделать, потому что подлинное сопереживание умирающему живой человек вынести не может, и поневоле покрывает сферу невыносимого автоматизмом, бесчувствием, лицемерием, абстракциями. Доказательству этого (а это нужно доказывать?) и посвящен этот странный роман» [Там же].

М. Ремизова оценивает художественную задачу Кононова как «жалкую»: «...если автор, допустим, предполагал <...> высоким слогом воспевать приметы самого мизерабельного быта – то это очень жалкая задача. Не потому, что уже было, а потому что для литературы этого мало <...> ничего *существенного* из текста не выплывається», «видно только умение более-менее складно рассказывать гадости» [Ремизова]. Е. Фанайлова называет роман иллюстрацией (иллюстрация – вторичный текст, менее ценный): «Он [роман – Ю. Г.] как будто иллюстрирует список книг: “История детской сексуальности”, “Траур и меланхолия”, “Тотем и табу”, “Литература и зло”, “Слова и вещи”» [Фанайлова]. М. Кучерская столь же непреклонна:

«Сложность процессов, протекающих в душе и уме героя, оборачивается запутанностью, а подчас и абсолютной нечитабельностью языка. И причина этой вязкости, <...> в том, что эти сравнения и образы не складываются в целое, между ними

не прослеживается связи, причем не только и не столько логической, но и ассоциативной, импрессионистической, интуитивной – любой <...>. Перед нами зародыш с признаками будущего гения, кузнечик, пока что раздавленный косноязычием и грудой лишних слов» [Кучерская].

Обратим внимание на сравнение романа с кузнечиком, зародышем. Символически это образы, которые означают «недо-», «малый размер», «незначительность», иными словами незначимость. С. Князев называет текст Кононова косноязычным, повествование – рыхлым «до безобразия», а сам роман «ну просто неприлично» многословным [Князев].

Итак, читатель в 2000 г. присутствовал сразу на двух похоронах. Кононов хоронил кузнечика и бабушку, критика – Кононова. Причем в погребении второго участвовала как негативная критика, так и положительная.

Литература

Аристов, В. Воссоздание мальчика // Русский журнал. 12.05.2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/krug/kniga/20001205.html> (дата обращения: 6.10.2022).

Волкова, Н. Туманная фотография рассеивает очертания тела // Сайт «Современная русская литература с Вячеславом Курицыным» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/volkova.htm> (дата обращения: 6.10.2022).

Золотоносов, М. Крушение гуманизма, или Два романа XXI века // Сайт «Современная русская литература с Вячеславом Курицыным» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/> (дата обращения: 6.10.2018).

Иванова, С. Ганимед на лестнице Иакова // Сайт «Современная русская литература с Вячеславом Курицыным» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/ivanova.htm> (дата обращения: 6.10.2022).

Князев, С. Тоска по Родине. О романе Павла Крусанова «Укус ангела» // Опушка: литературный коллаж-проект [Электронный ресурс]. URL: http://opushka.spb.ru/text/knyazev_txt1.shtml (дата обращения: 6.10.2022).

Кононов, Н. Похороны кузнечика: роман в 37 эпизодах с прологом и эпилогом. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000.

Крылов, В. Проблемы прагматики и поэтики жанра литературно-критической рецензии // Медиаскоп. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/1595> (дата обращения: 6.10.2022).

Курицын, В. Старые ангелы // Сайт «Современная русская литература с Вячеславом Курицыным» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/> (дата обращения: 6.10.2018).

Кучерская, М. Внутренности кузнечика // Новый мир. 2000. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://new.nm1925.ru/articles/2000/200011/vnutrennosti-kuznechika-4451/> (дата обращения: 6.10.2022).

Лебедушкина, О. Детский мир // Дружба народов. 2001. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2001/5/detskij-mir.html> (дата обращения: 6.10.2022).

Ремизова, М. Мерзкая плоть (Николай Кононов: Ф и з и о л о г и ч е с к и й очерк // Дружба народов. 2002. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/3/merzkaaya-plot.html> (дата обращения: 6.10.2022).

Свитнева, Е. Ганимед и Паламед // Новый мир. 2000. № 11 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/11/ganimed-i-palamed.html (дата обращения: 6.10.2022).

Скидан, А. Не только в области криминалистики // Сайт «Современная русская литература с Вячеславом Курицыным» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/skidan.htm> (дата обращения: 6.10.2022).

Фанайлова, Е. Новая русская книга № 4. Николай Кононов. Похороны кузнечика. Роман в тридцати семи эпизодах с прологом и эпилогом // Сайт «Современная литература с Вячеславом Курицыным» [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk4/11.html> (дата обращения: 6.10.2022).

Шубинский, В. Незримая граница любви // Новый мир. 2000. № 11 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/11/nezrimaya-granicza-lyubvi.html (дата обращения: 6.10.2022).

References

Aristov, V. (2000). *Vossozdaniye mal'chika [Recreating a boy]*. *Russkiy zhurnal*. 12.05.2000 [Russian magazine], 12.05.2000. Retrieved from: <http://old.russ.ru/krug/kniga/20001205.html> (date of access: 6.10.2022).

Fanaylova, E. *Novaya russkaya kniga № 4 [New Russian book No 4]*. Retrieved from: <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk4/11.html> (date of access: 6.10.2022).

Ivanova, S. *Ganimed na lestnitse Iakova [Ganymede on Jacob's ladder]*. *Sovremennaya russkaya literatura s Vyacheslavom Kuritsynym [Contemporary Russian Literature with Vyacheslav Kuritsyn]*. Retrieved from: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/ivanova.htm> (date of access: 6.10.2022).

Knyazev, S. *Toska po Rodine. O romane Pavla Krusanova "Ukus angela" [Homesickness. About the novel by Paul Krusanov "Bite the angel"]*. *Opushka: literaturnyi kollazh-proekt [Margin: a literary collage project]*. Retrieved from: http://opushka.spb.ru/text/knyazev_txt1.shtml (date of access: 6.10.2022).

Kononov, N. (2000). *Pokhoronykuznechika: roman v 37 epizodakh s prologom i epilogom* [The funeral of the grasshopper: a novel in 37 episodes with a prologue and epilogue]. St. Petersburg: INAPRESS Publ.

Krylov, V. (2014). Problemy pragmatiki i poetiki zhanra literaturno-kriticheskoy retsenzii [Problems of pragmatics and poetics of the literary-critical review genre]. *Mediascope* [Mediascope], 4. Retrieved from: <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/1595> (date of access: 6.10.2022).

Kucherskaya, M. (2000). Vnutrennosti kuznechika [Inside grasshopper]. *Novyi mir* [New World], 11. Retrieved from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/11/kucher.html (date of access: 6.10.2022).

Kuritsyn, V. Starye angely [Old angels]. *Sovremennaya russkaya literatura s Vyacheslavom Kuritsynym* [Contemporary Russian Literature with Vyacheslav Kuritsyn]. Retrieved from: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/> (date of access: 6.10.2018).

Lebyodushkina, O. (2001). Detskii mir [World of children]. *Druzhba narodov* [Friendship of Nations]. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/5/leb-pr.html> (date of access: 6.10.2022).

Remizova, M. (2002). Merzkaya plot' (Nikolay Kononov: Fiziologicheskii ocherk [Filthy flesh (Nikolay Kononov: A physiological assay)]. *Druzhba narodov* [Friendship of Nations], 3. Retrieved from:

<http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/3/rem.html> (date of access: 6.10.2022).

Shubinskii, V. (2000). Nezhimaya granitsa lyubvi [The invisible border of love]. *Novyi mir* [New World], 11. Retrieved from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/11/shub.html (date of access: 6.10.2022).

Skidan, A. Ne tol'ko v oblast' kriminalistiki [Not only in the field of criminology]. *Sovremennaya russkaya literatura s Vyacheslavom Kuritsynym* [Contemporary Russian Literature with Vyacheslav Kuritsyn]. Retrieved from: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/skidan.htm> (date of access: 6.10.2022).

Svitneva, E. (2000). Ganimed i Palamed [Ganymede and Palamed]. *Novyi mir* [New World], 11. Retrieved from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/11/svit.html (date of access: 6.10.2022).

Volkova, N. Tumannaya fotografiya rasseivaet ochertaniya tela [Foggy photography diffuses the outlines of the body]. *Sovremennaya russkaya literatura s Vyacheslavom Kuritsynym* [Contemporary Russian Literature with Vyacheslav Kuritsyn]. Retrieved from: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/volkova.htm> (date of access: 6.10.2022).

Zolotonosov, M. Krushenie gumanizma, ili Dva romana XXI veka [The collapse of humanism, or Two novels of the XXI century]. *Sovremennaya russkaya literatura*

s Vyacheslavom Kuritsynym [Contemporary Russian Literature with Vyacheslav Kuritsyn].

Retrieved from: <http://www.guelman.ru/slava/kononov/> (date of access: 6.10.2018).

Для цитирования: Говорухина, Ю.А. Похороны романа Н. Кононова литературной критикой (к вопросу о рецепции «Похорон кузнечика») // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 58–69. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-58-69

For citation: Govorukhina, Yu.A. (2022). The funeral of N. Kononov's novel by literary critique (about the reception of "The funeral of a grasshopper"). *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (4), 58–69. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-58-69

**THE FUNERAL OF N. KONONOV'S NOVEL BY LITERARY CRITIQUE
(ABOUT THE RECEPTION OF "THE FUNERAL OF A GRASSHOPPER")**

Yulia A. Govorukhina, Dr. Habil., Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); Associate Professor, branch of the Naval Military Research and Training Centre "Naval Academy" (Kaliningrad, Russia); e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of production of the book value, faith in its value, carried out by literary critique as an Institute of the literary field. The material is the critical reception of Nikolai Kononov's novel "The Funeral of a grasshopper". Published in 2000, the novel gets the small Apollon Grigoriev's Award (not the big one) and is included in a short list of The Russian Booker Prize, but does not win. The aim of the research is to study the role of critique in the fate of the Kononov's novel. According to the author of article, literary critique has generated interest in the work of the writer, and has "buried" it. The methodological basis of the work is the position of receptive aesthetics and sociology of literature. The author studies pragmatic strategies of both positive and negative critique of the novel: giving the book the status of exclusive (in terms of content, poetics, produced effect) or banal text. The author concludes that the positive critique devoted to the novel is wordy, metalogical (the criticism is infected by Kononov's style), often turns into a retelling. Negative critical judgment, the accusations of lack of originality and the banality of the idea, also contributed to the novel's "funeral" and undermined the symbolic value of the text.

Key words: Nikolay Kononov, "The Funeral of the grasshopper", literary critique, interpretation

